

«Лирический ироник»

Игорь Северянин и Марина Цветаева

«Чем я сейчас живу?! Ненавистью, возмущением, сознанием одиночества, тоскою о Пете Эфрон и Игоре Северяnine, – стихами. В первый же вечер всё это хлынуло на меня. Молодой человек 22-х лет – некто Форреггер фон Грейфентурм – хорошенький, безобидный, поверхностный, довольно милый, но любящий свою глупую, вульгарную 19-ти летнюю жену – пел Игоря Северянина. – “Это было у моря”, “Я вскочила в Стокгольме на крылатую яхту”, “На Ваших эффектных нервах” и “Каретка куртизанки”. – Полудекламация, полу-пение.

Волнующе-бессмысленные, острые, трагические слова, пленительный мотив. Что-то с чем нельзя бороться и конечно – не надо! Романтизм, идеализация, самая прекрасная форма чувственности, сравнимая с рукопожатием – слишком долгим и поцелуем – слишком легким, – вот, что такое Игорь Северянин.

Эти песенки неустанно звучат у меня в сердце и на губах.

Первый вечер был прелестен – я почти простила молодому человеку его жену, хотя всё это – только Игорь Северянин!»

М. Цветаева. [Москва, 1914]. Российский государственный архив литературы и искусства

Цветаева, как и многие в 1910-е годы, не избежала чар поэзии Игоря Северянина: в то время он, вероятно, был одним из самых популярных поэтов – на его выступления приходили толпы поклонников, его забрасывали цветами, восторгались его талантом. Однако, по признанию самого Игоря Северянина, слава его была «двусмысленной»: впоследствии его будут обвинять в пошлости, «смешении стилей», критиковать за «ряд изысканных сюрпризов / В капризничаящих словах». За увлечением широкой публики последует охлаждение, однако талант Северянина Цветаева не станет отрицать никогда. Весной 1917 года в записях Цветаевой снова появляются размышления о сущности дара Северянина:

Такую запись сделала Марина Цветаева в дневнике 12 июня 1914 года. Речь идет об Игоре Васильевиче Лотареве, известном под поэтическим псевдонимом Игорь Северянин, и об исполнителе его стихов (а впоследствии – московском режиссере и балетмейстере) Николае Михайловиче Фореггере – о нем и в связи с ним о Северянине Цветаева писала также в письме В.Я. Эфрон 6 июня 1914 года:

«Молодой человек – австриец по происхождению, готовится к режиссуре, пишет сказки, прелестно (до слез!) поет Игоря Северянина, подражая ему, но сам неглубок, хотя одарен».

Игорь Северянин (с рисунка Л. Голубева-Багрянородного). 1925. Фотокопия с оригинала. Дом-музей Марины Цветаевой

«Обаяние Игоря Северянина так же непоправимо, как обаяние цыганских романсов.

Любить Игоря Северянина — это немножко s'encanailler [попасть в дурную компанию (фр.)]. Неотразимый соблазн.

Игорь Северянин. Танго в поэзии.

Один И<горь> С<еверянин> на эстраде. Его знают все. А есть еще другой — грустный, простой и милый. Нежный любовник, верный друг, трогательный отец. И об этом никто не помнит. (“Ты ко мне не вернешься”, “Обе вы мне жены”, “На смерть Фофанова”, “Ты так мне нравишься, что ты не молода”...)

Берусь из многочисл<енных> томов И<горя> С<еверянина> выбрать книжку вечных, прекрасных, вне-временных стихов. Утверждаю, что это поэт определенно Божьей милостью. Некая сомнительность его в том, что он третий сорт в мире любит явно, а первый — тайно. — Поэт пронзительной человечности».

Игорь Северянин родился в Санкт-Петербурге в год, когда умер Надсон и вышла в свет первая книга стихов К.М. Фофанова. Эти совпадения Северянин считал для себя знаменательными, судьбоносными. О заре своей жизни Северянин напишет позднее в «поэме детства» «Роса оранжевого часа».

**Я видел в детстве сон престранный,
Престранный видел в детстве сон...
Но раньше в Петербург туманный,
Что в Петроград преображен,
Перелетаю неустанной
Своею мыслью, с двух сторон
Начав свое повествованье:
С отца и матери. Вниманье!
Начало до моих времен.**

2

**Родился я, как все, случайно
И без предвзятости при том...
Был на Гороховой наш дом...**

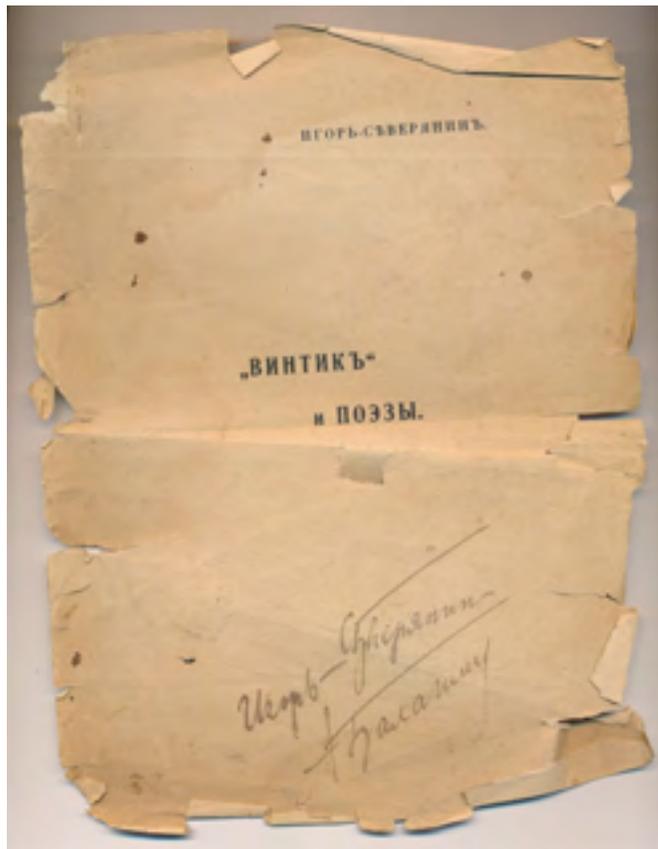
Игорь Северянин. Роса оранжевого часа: Поэма детства в 3-х частях. Юрьев – Тарту: Вадим Бергман, 1925. Дом-музей Марины Цветаевой

С 1896 года Северянин жил в имении своего дяди М.П. Лотарева в 30 верстах от Череповца. «Череповец, уездный город, / Над Ягорбою расположен...»; «Череповец! Пять лет я прожил / В твоём огрязненном снегу...»
С 1898 по 1902 год будущий поэт учился в Череповецком реальном училище – «Я прожил три зимы в реальном...»

Здание Череповецкого реального училища (ныне – Череповецкий государственный университет). Из открытых источников

С Петербургом у Северянина были связаны счастливые детские годы, а также годы восхождения на поэтический олимп, недолгое время шумной известности.

Игорь Северянин. Дарственный автограф А. Балагину на титульном листе печатного издания «Винтик» и поэзы». Петроград, 1915. Дом-музей Марины Цветаевой

Первый поэтический сборник – «Громокипящий кубок» – Игорь Северянин издал в 1913 году. Предисловие (по словам Северянина – «восторженное») было написано метром символизма Федором Сологубом, который радостно приветствовал появление нового поэта как «нечаянную радость в серой мгле северного дня»: «Стихи его, такие капризные, легкие, сверкающие и звенящие, льются потому, что переполнен громокипящий кубок в легких руках нечаянно наклонившей его ветреной Гебы, небожительницы смеющейся и щедрой».

Северянин познакомился с Сологубом в октябре 1912-го – с помощью Сологуба начинающий поэт входил в петербургские литературные круги, бывал у него в салоне на Разъезжей. «Поэтом для немногих», «самым изысканным из русских поэтов» назовет впоследствии Северянин Сологуба.

Николай Гумилев в «Письмах о русской поэзии» неоднократно обращается к творчеству Игоря Северянина, оценивая его критически, но признавая яркую индивидуальность: «Из всех дерзающих, книги которых лежат теперь передо мной, интереснее всех, пожалуй, Игорь Северянин: он больше всех дерзает. Конечно, девять десятых его творчества нельзя воспринимать иначе, как желание скандала или как ни с чем не сравнимую жалкую наивность. <...> Но зато его стих свободен и крылат, его образы подлинно, а иногда и радующе, неожиданны, у него есть уже свой поэтический облик». Гумилев видит в стихах Северянина «неловкости стиля», но одновременно отмечает и «острую фантазию», «привычку к иронии», «холодную интимность». Анализируя сборник «Громокипящий кубок», Гумилев акцентирует, что Северянину нельзя отказать в высоком звании поэта: «Игорь Северянин – действительно поэт, и к тому же поэт новый. Что он поэт – доказывает богатство его ритмов, обилие образов,

устойчивость композиции, свои, и остро пережитые, темы. Нов он тем, что первый из всех поэтов он настоял на праве поэта быть искренним до вульгарности».

А. Блок и Ф. Сологуб. Москва, 1908.
Пересъемка с оригинала. Дом-музей Марины Цветаевой

Северянин считал себя учеником К. Фофанова, продолжателем его поэтической традиции.

И. Репин. Портрет К. Фофанова. 1888. Из открытых источников

В статье о Фофанове Северянин писал, что был знаком с ним «с 20 ноября 1907 года по день его кончины 17 мая 1911 года и за это время виделся с ним

очень часто». Признавая в нем – поэте и человеке – крупные недостатки, Северянин отмечал, что Фофанов «был обаятельным, мягким, добрым, ласковым и сердечным человеком, очень нравственным, религиозным и даже застенчивым по-детски».

Прелесть фофановской поэзии Северянин видел в ее импрессионистичности, способности передать тончайшие и нежнейшие оттенки чувств. «В чем главная сила, в чем же очарование фофановской музыки? Я думаю, прежде всего, в его лирике северной весны с ее белыми ночами, такими большими и призрачными, с ее утонченным целомудрием, с почти безуханными ароматами, – прежде всего, думаю я. Ни у одного из русских поэтов нет того, что вы найдете у Фофанова относительно северной весны: ее души, ее аромата, повторяю, почти недущистого, но такого пленительного своими возможностями, что эта недущистость душистее всякого яркого аромата,

ибо в ней он только подразумевается, но передан и запечатлен и именно в силу этого обстоятельства своей неопределенности насыщен истинным свойством благоухания точного, неприкрашаемого, не преувеличенного ничем. Вот это-то и есть, по-моему, отличительная черта его лирики, в этом-то и таится вся ее душа – все ее непередаваемое обаяние, которое не подлежит никаким анализам, никакой формулировке». Вероятно, Фофанов был первым поэтом, приветствовавшим молодого собрата по струнному ремеслу и оказавшим ему дружескую поддержку.

Северянин утверждал, что читать его стихи нужно под музыку Скрябина: «Мои стихи под музыку Скрябина – здесь должен получиться удивительный диссонанс».

Игорь Северянин очень тонко воспринимал искусство музыки – музыкальных впечатлений в его жизни было много с детства, он был «заправским меломаном»: «Музыка и Поэзия – это такие две возлюбленные, которым я никогда не могу изменить».

**В те годы я бывал ежевечерне
В театрах, преимущественно в Зале
Консерватории, где Церетели
Держал большую оперную труппу.
Я музыку боготворю не меньше
Поэзии, и удивляться надо ль,
Что посещение оперы являлось
Потребностью моей необходимой.**

«Мои стихи исполнены мелодий», – утверждал Игорь Северянин. Это чувствовали и современники, обнаруживая в его стихах «неизменную музыкальность напева» (В. Ходасевич).

Авторы биографии Игоря Северянина В.Н. Терехина и Н.И. Шубникова-Гусева отмечали: «В построении “Громокипящего кубка”, где все – от увертюры “Очам твоей души”, обращенной к любимой женщине, до эпилога “Эго-футуризм” – напоминает музыкальное произведение, во всем блеске проявился “композиторский” талант Игоря Северянина. Тонкий поэтический слух поэта воплотился и в разнообразных стихотворных увертюрах,

сонатах, этюдах, ноктюрнах, прелюдиях, ариях – в мелодичных стихах, привлекавших многих композиторов». Северянин был знаком с С. Прокофьевым и С. Рахманиновым, переписывался с ними.

С. Рахманинов. Соната № 2 для фортепиано. Op. 36.
Moscou: A. Gutheil, [б.г.]. Дом-музей Марины Цветаевой

С. Рахманинов. Париж, 1950-е. Дом-музей Марины
Цветаевой

С. Прокофьев. Париж, 1950-е. Дом-музей Марины
Цветаевой

Юрий Шумаков вспоминал: «Среди слушателей Северянина всегда было много музыкантов, композиторов, певцов. По мнению Прокофьева, у Северянина имелись начатки композиторского дарования, в его стихотворениях, как выразился С.П., “присутствует контрапункт”. Прокофьев поднялся из-за стола, достал с полки сборник стихов Северянина и уже не выпускал его из рук. Стихотворение “У окна” Прокофьев начал анализировать с точки зрения композиции фуги».

С.В. Рахманинову посвящено стихотворение «Все они говорят об одном»:

**Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада
И что эта отрада – в любви...**

**И цветы монастырского луга
С лаской, свойственной только цветам,
Говорят, что одна есть заслуга:
Прикоснуться к любимым устам...**

**Монастырского леса озера,
Переполненные голубым,
Говорят, нет лазурнее взора,
Как у тех, кто влюблен и любим...**

1927

Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь. Конец XX в.
Из открытых источников

Воспоминания об истоках создания этого стихотворения разнятся. По одним сведениям, стихотворение написано после поездки Северянина в Псково-Печерский монастырь, по другим – после паломничества в Пюхтицкий монастырь.

Одним из ярких эпизодов биографии Северянина было прошедшее в Москве в Политехническом музее «Избрание короля поэтов», о котором вспоминал, в частности, поэт и прозаик, близкий кругу футуристов, С.Д. Спасский в книге «Маяковский и его спутники».

«Известный организатор поэтических вечеров Долидзе решил устроить публичное “состязание певцов”. Вечер назывался “выборы короля поэтов”. Происходил он все в том же Политехническом. Публике были розданы бумажки, чтобы после чтения она подавала голоса. Выступать разрешалось всем. Специально приглашены были футуристы.

На эстраде сидел президиум. Председательствовал известный клоун Владимир Дуров. Зал был набит до отказа. Поэты проходили длинной очередью. На эстраде было тесно, как в трамвае. Теснились выступающие, стояла не поместившаяся в проходе молодежь. Читающим смотрели прямо в рот. Маяковский выдавался над толпой. Он читал “Революцию”, едва находя возможность взмахнуть руками. Он заставил себя слушать, перекрыв разговоры и шум. Чем больше было народа, тем читал он свободней. Тем полнее был сам захвачен и увлечен. Он швырял слова до верхних рядов, торопясь уложиться в отпущенный ему срок.

Но “королем” оказался не он. Северянин приехал к концу программы. Здесь был он в своем обычном сюртуке. Стоял в артистической, негнувшийся и “отдельный”.

– Я написал сегодня рондо, – процедил он сквозь зубы вертевшейся около поклоннице.

А. Крученых, Д. Бурлюк, В. Маяковский, Б. Лившиц, Н. Бурлюк.
1910-е.

Пересъемка с оригинала. Дом-музей Марины Цветаевой

Прошел на эстраду, спел старые стихи из “Кубка”. Выполнив договор, уехал. Начался подсчет записок. Маяковский выбегал на эстраду и возвращался в артистическую, посверкивая глазами. Не придавая особого значения результату, он все же увлекся игрой. Сказывался его всегдашний азарт, страсть ко всякого рода состязаниям.

– Только мне кладут и Северянину. Мне налево, ему направо.

Северянин собрал записок все же больше, чем Маяковский.

Участники сборника «Пощечина общественному вкусу»: В. Хлебников, Г. Кузьмин,
С. Далинский, Н. Бурлюк, Д. Бурлюк, В. Маяковский. 1910-е. Дом-музей Марины Цветаевой

“Король шутов”, как назвал себя Дуров, объявил имя “короля поэтов”.

Третьим был Василий Каменский.

Часть публики устроила скандал. Футуристы объявили выборы недействительными. Через несколько дней Северянин выпустил сборник, на обложке которого стоял его новый титул. А футуристы устроили вечер под лозунгом: “долой всяких королей”».

Политехнический музей – один из московских адресов в биографии Северянина. Москву поэт любил, и позднее, в эмиграции, он будет с нежностью вспоминать приезды в этот город и напишет трогательные «Стихи Москве». Так, в письме А.Д. Барановой от 5 мая 1929 года Северянин писал: «Мне было очень приятно прочесть в Вашем письме, что Вы перечитывали мои сборники, что вы храните хорошие о московских временах воспоминания. Да, я помню, что Вы были на всех двадцати пяти моих вечерах в Москве. Часто и я вспоминаю Георгиевский, где было всегда так приятно бывать. Увы, это уже не повторится никогда». А в письме той же корреспондентке от 3 декабря 1922 года, описывая свое удачное выступление, отмечает: «Овации напоминали мне Москву», в 1929 году о Москве: «Тяга туда все ширится: то ли жизнь кончается, то ли душа молодеет <...> Я верю в большие возможности своего возвращения домой. Весь вопрос, как взглянет на это правительство моей родины».

**Мой взор мечтанья оросили:
Вновь – там, за башнями Кремля –
Неподражаемой России
Незаменимая земля.**

**В ней и убогое богато,
Полны значенья пустячки:
Княгиня старая с Арбата
Читает Фета сквозь очки...**

**А вот, к уютной церковушке
Подъехав в щегольском «купэ»,
Кокотка оделяет кружки,
Своя в тоскующей толпе...**

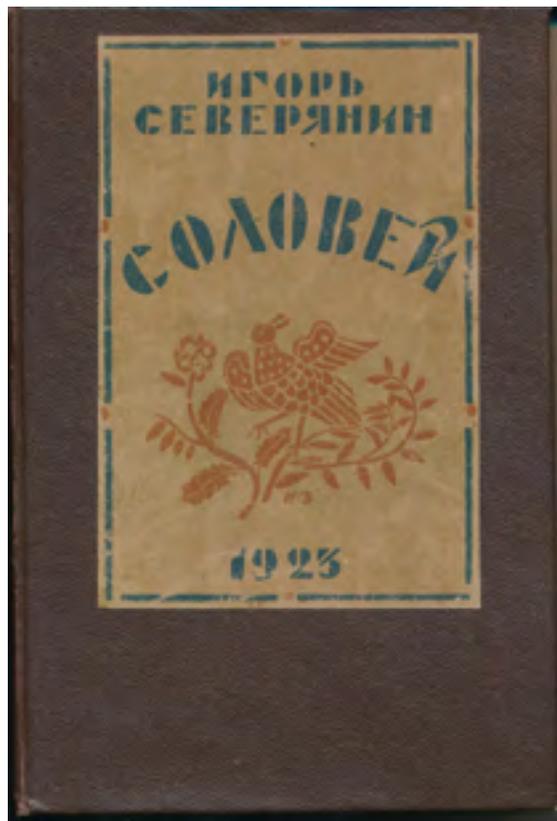
**И ты, вечерняя прогулка
На тройке вдоль Москва-реки!
Гранитного ли переулка
Радужные особняки...**

**И там, в одном из них, где стайка
Мечтаний замедляет лёт,
Московским солнышком хозяйка
Растапливает невольский «лёд»...**

**Мечты! Вы – странницы босые,
Идущие через поля, –
Неповергаемой России
Неизменяемая земля!**

Отдельный, долгий и сложный этап пути Игоря Северянина связан с его отъездом в январе 1918 года в эстонский поселок Тойла, прежде служивший ему дачным приютом. После заключения Брестского мира Советской Россией и Германией поэт оказался в эмиграции «тойласким отшельником». Годы изгнания были наполнены постоянной тревогой о завтрашнем дне – средств не хватало даже на самое необходимое. Северянин с семьей жил в нищете, однако старался не впадать в уныние, творческая его активность не снижалась, он много работал. В эмиграции Северянин продолжал писать стихи, занимался переводами, сотрудничал с газетой «Последние известия», выступал на поэтических вечерах. Поэт много читал, продолжал интересоваться русской литературой, творчеством современников – как оставшихся в России, так и эмигрировавших. О каких-то деталях жизни поэта можно составить представление из его писем близким друзьям. Например, Северянин очень любил рыбалку и довольно часто в письмах описывал этот процесс: «Завтра уезжаем на озеро. О, если бы вы знали, как я рад уйти целиком в рыбную ловлю!», «Целые дни провожу на реке. Это уже со 2-го мая. 5-й сезон всю весну, лето и осень неизменно ужу рыбу! Это такое ни с чем не сравнимое наслаждение! Природа, тишина, благость, стихи, форели!», «В нашем полном распоряжении – лодка, с которой мы и начали ловить рыбу, выезжая за 3–5 верст от берега. До сей поры поймали уже 36 окуней от 1/8 до 3/4 фунта каждый. Надеемся на более крупных, когда в июле начнется дружный клев. Тогда же будут брать и леши, достигающие, по словам старожил, до 25 фунтов! Водятся и щуки, и угри».

Игорь Северянин. Соловей: Поэзы. Берлин: Акц.
о-во «Накануне», 1923.
Дом-музей Марины Цветаевой

А. Ремизов. Париж, 1937.
Дом-музей Марины Цветаевой

Надежда Тэффи (Н. Лохвицкая). Париж, 1937.
Дом-музей Марины Цветаевой

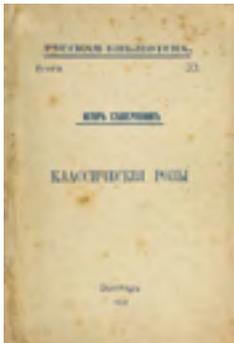

За годы эмиграции у Северянина вышли сборники «Вервэна», «Менестрель», «Миррелия», «Соловей», «Классические розы».

В свой приезд в Париж в 1931 году Северянин навестил А.М. Ремизова, О.А. Глебову-Судейкину, виделся с Н. Тэффи, которая вспоминала: «Как-то он показался ненадолго в Париже. Приезжал с женой-эстонкой, которая “тоже писала стихи”».

Ему устроили вечер. Он стоял на эстраде все такой же, только немножко похудевший, и брови стали как будто еще чернее и толще. Мы знали, что он голодал в Эстонии, и этим вечером хотели ему помочь».

Цветаева побывала на поэтическом вечере Северянина в Париже 27 февраля 1931 года. Поэт читал стихи из книги «Классические розы».

Игорь Северянин. Классические розы. Белград, 1931.
Из открытых источников

С. Андроникова-Гальперн. Лондон, 1940-е.
Дом-музей Марины Цветаевой

Об этом вечере Цветаева писала Саломее Андрониковой 3 марта 1931 года:

«— Единственная радость (не считая русского чтения Мура, Алиных рисовальных удач и моих стихотворений) — за все это время — долгие месяцы — вечер Игоря Северянина. Он больше чем: остался поэтом, он — стал им. На эстраде стояло двадцатилетие. Стар до обмирания сердца: морщин как у трехсотлетнего, но — занесет голову — все ушло — соловей! Не поет! Тот словарь ушел.

При встрече расскажу все как было, пока же: первый мой ПОЭТ, т. е. первое сознание ПОЭТА за 9 лет (как я из России)».

Впечатления от вечера отразились также в черновике письма самому Северянину:

«...Начну с того, что это сказано Вам в письме только потому, что не может быть сказано всем – в статье. А не может – потому что в эмиграции поэзия на задворках – раз, все места разобраны – два: там-то о стихах пишет А<дамови>ч и никто более, там-то – другой -ович и никто более – и так далее. Только двоим не оказалось места: правде и поэту.

От лица правды и поэзии приветствую Вас, дорогой.

От всего сердца (своего) и от всего сердца вчерашнего зала: от всего сердца всего вчерашнего зала – благодарю Вас, дорогой.

Вы вышли. Подымаете лицо – молодое. Опускаете – печать лет. Но – поэту не суждено опущенного! – разве что никем не видимый наклон к тетради! – всё: и негодование, и восторг, и слушание дали – далее – вздымает, заносит голову. В моей памяти – и памяти вчерашнего зала – Вы останетесь молодым.

(Ваш зал... Зал – с Вами вместе двадцатилетних... Себя пришли смотреть: свою молодость: себя – тогда, свою последнюю, как раз еще успели! – молодость: любовь... В этом зале были – те, к<отор>ых я ни до ни после никогда ни в одном литературном зале не видела:

Все пришли. Привидения пришли, притащились... Поглядеть на себя.
Послушать – себя.

Вы – Вы были только та, Саулу показывавшая – Самуила...)

...Слушая Ваши стихи я думала: лучше – старой с тобой, чем молодой – с другими. Так, думаю, думали все, молодья и старья, молодые и старые. (Те двое м. б. думали – в первый раз!)

Это был итог. Двадцатилетия. (Какого!) Ни у кого м. б. так не билось сердце, как у меня, ибо другие – все! – слушали свою молодость, свои двадцать лет – тогда! двадцать лет – назад, я же – кроме – я' ставила ставку на силу поэта. Кто перетянет – он или время. И перетянул – он: Вы.

Среди стольких призраков, сплошных привидений – Вы один были – жизнь: двадцать лет спустя.

Ваш словарь. Справа и слева шепот: не он!

Ваше чтение: Справа и слева шепот: не поет!

Вы выросли, Вы стали простым и большим, поэтом больших линий и больших вещей, Вы открыли то, что Вам отродясь было открыто: – ПРИРОДУ, Вы разнарядили ее...

И вот, конец первого отделения, в котором лучшие строки:

– И сосны, мачты будущего флота...

ведь это и о нас с вами, о поэтах – эти строки. Я задохнулась от величия.

Сонеты. Я не критик и нынче – меньше, чем всегда. Прекрасен Лермонтов – из-под крыла, прекрасен Брюсов – “всю жизнь мечтавший о себе, чугуном” – прекрасен Есенин – “благоговейный хулиган” – может, забываю – прекрасна Ваша любовь: поэта – к поэту (ибо множественного числа – нет, всегда – единственное). Поэтом в Вас Вы мне напомнили Бальмонта (и любили мы вас обоих – одной любовью).

И – то, те! И, к моему счастью – лучшие из тех, не любимцы публики: Соната Шопена, Нэлли, Каретка куртизанки – и другие – но любимые Ваши: чудесная плотина (NB! перечень) Ваша лучшая, Ваша вечная молодость.

И – последнее. Заброс головы, полузакрытые глаза, дуга усмешки, и – напев –

тот самый — тот ради которого — и тот без которого — тот напев — нам —
как кость — или как цветок... — Хотели? нáте!
— в уже встающий — уже стоящий — разом вставший — зал.

И эта соловьиная песнь конца, сáмого конца, после которого уже не было ни
строки, ни кивка:

— Я так бессмысленно-чудесен,
Что смысл — склонился предо мной

Эта самопеснь — всех соловьев!

Такого не сказал и Бальмонт.

За вечер ни слова (прозы). Ни даты. Только стихи. Стихи сами всё
(Не окончено и не отослано: И.С. уехал утром следующего дня. Тáк я его увидела
в первый и в последний раз. МЦ)»

Перемену в творческой манере Северянина заметила не только Марина Цветаева, но и другие современники. Георгий Адамович, например, писал: «Северянин стал совсем другой, он больше не подвывает, а читает, как все, вырос, стал мудр и прост».

В цикле сонетов «Медальоны» есть и портрет Марины Цветаевой.

Цветаева

**Блондинка с папироскою, в зеленом,
Беспочвенных безбожников божок,
Гремит в стихах про волжский бережок,
О в персиянку Разине влюбленном.**

**Пред слушателем, мощью изумленным,
То барабана дробный говорок,
То друга дева, свой свершая срок,
Сопернице вручает умиленной.**

**То вдруг поэт, храня серьезный вид,
Таким задорным вздором удивит,
Что в даме – жар и страха дрожь – во франте...**

**Какие там «свершенья» ни верши,
Мертвы стоячие часы души,
Не числящиеся в ее таланте...**

1926

Неизвестно, знала ли Цветаева эти стихи. Такое непонимание и неприятие ее поэзии собратом по перу, быть может, стало причиной еще одного «разминовения» в ее жизни. «Впрочем, это моя судьба: я всегда получала меньше, чем давала», – писала Марина Цветаева Борису Пастернаку в марте 1925 года.

Умер Игорь Северянин в Таллине 20 декабря 1941 года – в один год с Мариной Цветаевой.

М. Цветаева. Понтайяк, 1928. Воспроизведение с оригинала.
Российский государственный архив литературы и искусства

В проекте использованы изображения из фондов Дома-музея Марины Цветаевой, Российского государственного архива литературы и искусства, а также открытых источников

Текст: Мария Степанова

Редактура: Любовь Викулина

Подбор материалов: Ксения Логушкина, Наталья Федоренко

Верстка: Александра Миндрин

Москва, 2022